

Беляева Л.Э.

Взаимоотношения преподавателей и студентов в первой трети XX века...

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 3. С. 18–30.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 18–30.

Научная статья
УДК 94(47+57)''19/...''(045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V510

Взаимоотношения преподавателей и студентов в первой трети XX века (на материалах Санкт-Петербургского/Ленинградского политехнического института)

Лидия Эдгаровна Беляева

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: lidia-ot@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-6262-3683>

Аннотация. Курс на модернизацию, характерный для начала XX века, определил рост престижа политехнического образования. В этот период формировалась новая научная элита. Качество подготовки специалистов зависело, в т. ч. и от коммуникации профессорско-преподавательского состава и студентов. Цель статьи – рассмотреть изменение характера взаимоотношений между преподавателями и студентами Санкт-Петербургского/Ленинградского политехнического института в контексте социально-политической трансформации российского общества и изменения государственной политики подготовки инженерных кадров в первой трети XX века – при переходе от имперской к советской модели образования. Методология исследования – социальная история в части изучения социальных взаимоотношений в период экономических и политических перемен, а также индивидуализирующая интерпретации исторических источников. Показано, что как в начале XX века, так и в 1920-х годах реализация технологического прорыва происходила на фоне сложных внутривластных процессов, активными участниками которых были студенчество и интеллигенция. И те, и другие до революции выступали за преобразование общества. Постереволюционные реформы ударили по авторитету «буржуазной» профессуры, а студенты пролетарского происхождения, вовлеченные в комсомол и Всесоюзную коммунистическую партию большевиков, надеялись функцией проводников социальных реформ в высшей школе. Эти противоречия порождали напряженность в отношениях преподавателей и студентов. Социально-идеологический конфликт оказывал влияние на образовательный процесс. Сравнительный анализ эпизодов, рассмотренных в рамках настоящего исследования на материале Санкт-Петербургского/Ленинградского политехнического института, позволил сформулировать выводы о характере изменений взаимоотношений преподавателей и студентов, а также о значительной консолидации преподавательского сообщества и разнородности студенчества.

Ключевые слова: *высшая школа, профессорско-преподавательское сообщество, студенчество, Санкт-Петербургский/Ленинградский политехнический институт, пролетаризация, В.В. Скобельцын, коммуникация студентов и преподавателей*

© Беляева Л.Э., 2026

Для цитирования: Беляева Л.Э. Взаимоотношения преподавателей и студентов в первой трети XX века (на материалах Санкт-Петербургского/Ленинградского политехнического института) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 3. С. 18–30. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V510>

Original article

Teacher-Student Communication in the First Third of the 20th Century (Based on the Materials of Saint-Petersburg/Leningrad Polytechnic Institute)

Lidiya E. Belyaeva

Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russia,
e-mail: lidia-ot@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-6262-3683>

Abstract. The course towards modernization in the early 20th century led to an increase in the prestige of polytechnic education and the emergence of a new scientific elite. The quality of training depended, among other things, on communication between professors and students. The purpose of the article is to examine the nature of changes in communication practices between teachers and students at St. Petersburg/Leningrad Polytechnic Institute in the context of the transformation of state policy regarding engineering training in the first third of the 20th century – when turning from the Imperial to the Soviet model of education. The research methodology is grounded in social history, focusing on the study of social relationships during periods of economic and political change, as well as on individualized interpretations of historical sources. It is shown that both in the early 20th century and in the 1920s, technological advancements occurred against the backdrop of complex internal political processes in which students and intellectuals played active roles. Prior to the revolution, both groups advocated for societal transformation. The post-revolutionary reforms undermined the authority of the “bourgeois” professors, while students of proletarian origin involved in the Komsomol and the CPSU(b) became agents of social reform in higher education. These contradictions created tension between teachers and students. Changes in social roles affected the educational process. A comparative analysis of the case studies from the history of Saint Petersburg/Leningrad Polytechnic Institute, examined in this research, makes it possible to draw conclusions about the nature of teacher-student communication and the quality of its evolution.

Keywords: *higher school, professorial and teaching community, student community, St. Petersburg / Leningrad Polytechnic Institute, proletarianization, V.V. Skobel'tsyn, communication between teachers and students*

For citation: Belyaeva L.E. Teacher-Student Communication in the First Third of the 20th Century (Based on the Materials of Saint-Petersburg/Leningrad Polytechnic Institute). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, vol. 26, no. 3, pp. 18–30. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V510>

Создание сети коммерческих училищ и политехнических институтов было частью политики модернизации, инициированной министром финансов С.Ю. Витте в конце XIX века.

Модернизационный курс предполагал расширение доступа к образованию для различных социальных слоев, что способствовало развитию процессов демократизации. Профессора

и преподаватели политехнических институтов, ориентированные на совершенствование инженерных наук и промышленности, понимали необходимость социальных преобразований и допускали лояльное отношение к протестным настроениям студенчества.

В 1920-е годы после нескольких военных лет и революционных потрясений модернизация была не менее актуальна. В этот период представители профессорско-преподавательского состава были отнесены к привилегированным слоям, влияние которых новая власть стремилась ограничить, опираясь на студенчество пролетарского происхождения. Однако сохранялась острая потребность в квалифицированных специалистах, подготовка которых зависела от дореволюционной профессуры. Указанное противоречие оказывало влияние на организацию учебного процесса. Взаимоотношения преподавателей и студентов в условиях социально-политических трансформаций представляют собой значимую исследовательскую проблему, особенно в контексте подготовки инженерных кадров, что и стало объектом исследования на примере политехнического института в Санкт-Петербурге. Предмет – влияние социально-политической обстановки в России первой трети XX века на процессы коммуникации студентов и профессоров.

Цель работы – рассмотреть изменение характера взаимоотношений между преподавателями и студентами Санкт-Петербургского/Ленинградского политехнического института (СПбПИ/ЛПИ)¹ в контексте социально-политической трансформации российского общества и изменения государственной политики подготовки инженерных кадров в первой трети XX века – при переходе от имперской к советской модели образования.

Для сравнительно-исторического анализа были выбраны два периода:

- 1902–1910 год – начальный этап работы института, время выстраивания модели политехнического института как особого научно-образовательного сообщества;

- середина 1920-х – 1930 год – от относительной стабилизации обстановки после нескольких военно-революционных лет до расформирования политехнического института на отдельные отраслевые институты согласно постановлению Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров (ЦИК и СНК) «О реорганизации высших учебных заведений, техникумов и рабочих факультетов»².

Статья написана с опорой на труды А.А. Оводенко и соавт. [1], А.С. Строгаловой [2], А.О. Рожкова [3]; сборник документов по истории политехнического института [4]; работы Б.Н. Меншуткина [5], В.А. Смелова [6]; мемуары политехников [7; 8]; исследования И.В. Сидорчука [9], С.Б. Ульяновой [10–12], Л.Э. Беляевой [13; 14]. Источниками материала стали фонды Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН), Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), Центрального государственного архива историко-политической документации Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

Методологическую основу исследования составил подход социальной истории, ориентированный на анализ роли социальных взаимоотношений в общественных процессах и конфликтах. В качестве основного метода использован сравнительный анализ взаимоотношений между преподавателями и студентами в различных социально-политических условиях.

¹За рассматриваемый период времени институт сменил ряд названий, в т. ч. Санкт-Петербургский политехнический институт Петра Великого и Ленинградский политехнический институт имени М.И. Калинина.

²Постановление ЦИК и СНК СССР № 38, ст. 411 «О реорганизации высших учебных заведений, техникумов и рабочих факультетов» от 23 июля 1930 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1930 год. С. 693–695. URL: <https://istmat.org/node/49953?ysclid=mp8yav5hzo707259989> (дата обращения: 18.05.2026).

Применен индивидуализирующий метод интерпретации исторических источников, позволяющий увидеть социально-политические процессы через личное восприятие участников. С помощью методов истории повседневности проанализированы социальные факторы, определявшие взаимоотношения преподавателей и студентов в тот период времени.

Создание политехнического института в Санкт-Петербурге имело целью формирование научной и кадровой базы для модернизации страны [4, с. 68]. СПбПИ получил максимально возможную для начала XX века автономию благодаря покровительству министра финансов С.Ю. Витте. Так, по его инициативе директором учебного заведения был назначен князь А.Г. Гагарин (инженер, помощник начальника Петербургского оружейного завода), либеральные взгляды и обширные связи которого на начальном этапе служили на благо развития института.

Профессорско-преподавательский состав формировался из крупных ученых (М.А. Шателен, А.А. Байков и др.) и выдающихся инженеров (К.П. Боклевский, В.Е. Грум-Гржимайло и др.). Такое прогрессивное для отечественного образования сближение теории и практики позволяло полнее охватывать фронт науки, привлекая к работе студентов, делая их соратниками и единомышленниками. Институтский комплекс объединял учебные корпуса, лаборатории, профессорские квартиры и студенческие общежития, переплетая научно-образовательную жизнь студентов с социально-досуговой: они могли общаться с преподавателями, перенимать опыт, знания и жизненные ценности. При поддержке и с участием руководства были организованы кружки по интересам (музыкальные, спортивные, научные), землячества, проводились вечера [7; 8].

Преподаватели института разделяли идеи прогресса и гуманизма³, это способствовало формированию особой атмосферы: «Мы все прошли университетскую школу, но в Институте все наши представления об отношениях между профессорами и студентами совершенно перевернулись» [7, с. 24]; «Внутренняя структура, созданная в Институте с его основания, и подбор работников способствовали установлению нормальных деловых отношений, как в преподавательской среде, так и между преподавателями и студенческой массой»⁴. Накопленный научно-образовательный потенциал помог педагогическому коллективу института преодолеть послевоенную разруху, идеологический диктат и «революцию в высшей школе» в 1920-е годы [1, с. 188]. Важнейшими факторами, определявшими развитие политехнического института на каждом историческом этапе, стали его специализация, ориентированность на практику, связь с отечественной промышленностью.

До революции зачисление в СПбПИ, согласно уставу института, производилось по конкурсу аттестатов [4]. Несмотря на то, что студенческий состав отличался социальной пестротой, а преподаватели принадлежали к привилегированным слоям российского общества, основой коммуникации были уважение профессоров к выбранному студентами пути и вера в особую роль будущих инженеров в служении России [4, с. 88]. Однако беспокойная внутривнутриполитическая обстановка будоражила российское общество, и политехники не оставались безучастными. Как для студентов, так и для преподавателей предъявление свидетельства о благонадежности стало обязательным условием поступления, но оно не гарантировало спокойствия в институте, тем более что А.Г. Гагарин не разделял опасений власти

³См., например: Секрет счастливой жизни: кн. для семейного чтения / Владимир и Софья Грум-Гржимайло; под ред. М.Е. Главацкого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 296 с.; *Кирпичев В.Л.* Значение фантазии для инженеров. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1903. 21 с.

⁴*Люст Г.А.* Постановка учебного дела и квалификация оканчивающих институт // Товарищ. 1927. 15 окт. № 3(61). С. 2.

в отношении революционных настроений. Так, например, в июле 1901 года директор хотел пригласить в качестве преподавателя геологии В.К. Агафонова, высланного из Санкт-Петербурга за участие в политической демонстрации, и советовался с профессором минералогии Ф.Ю. Левинсон-Лессингом: «Я обязан о нем, как и о всех, справку навести в отношении благонадежности и не хотел бы получить ответ отрицательный. Как думаете Вы уладить это дело?»⁵. В итоге В.К. Агафонов был принят на работу в институт.

Примером конструктивного несогласия с существовавшим порядком служит профессор кафедры прикладной механики А.С. Ломшаков – депутат Государственной думы от партии кадетов с 1906 года. Он выступал за «раскрепощение крестьян, раскрепощение рабочего класса, раскрепощение граждан, раскрепощение женщин»⁶. Летом 1908 года Ломшаков отбывал трехмесячный тюремный срок в петербургской тюрьме «Кресты» вместе с профессором права Н.А. Гредескулом – оба депутаты Государственной Думы, подписавшие известное Выборгское воззвание⁷. После освобождения они продолжили работу в институте.

СПбПИ на протяжении всего дореволюционного периода привлекал в свои стены профессоров, покинувших другие вузы по политическим причинам. Профессор электротехники М.А. Шателен и профессор физики В.В. Скобельцын весной 1901 года вместе с другими преподавателями были уволены из Электротехнического института за поддержку студенческих движений, но летом того же года по приглашению С.Ю. Вигте подклю-

лись к работе по созданию политехнического института. М.А. Шателен занял должность декана электромеханического факультета, В.В. Скобельцын возглавил кафедру физики. Более того, В.В. Скобельцын был утвержден в должности профессора – заведующего студентами [5, с. 120].

Либеральность профессуры политехнического института отчасти обуславливалась пониманием необходимости модернизации страны: распространение образования для широких слоев общества было одним из условий ликвидации технологической отсталости. Мотивация бастующих студентов была более радикальна и менее последовательна: на собраниях звучали призывы к свержению самодержавия, а забастовки отвлекали от занятий. Совет института видел причину выступлений студентов так: «Лишь при установлении у нас правового строя, покоящегося на незыблемых гарантиях основного закона, учащие и учащиеся в высших учебных заведениях получают, наконец, возможность всецело отдать свои силы научной работе на благо родной страны» [5, с.125].

О накаленной обстановке тех лет свидетельствуют документы департамента полиции⁸. 12 сентября 1905 года на сходке в СПбПИ один из ораторов (не студент – Л.Б.) требовал «предоставить молодежи возможность посвятить себя агитации в народе и подготовить вооруженное восстание»⁹, на сходке 23 сентября 1905 года говорилось о необходимости террора и свержения самодержавия¹⁰. 22 октября 1906 года состоялась сходка, собравшая до 500 чел., в т. ч. посторонних лиц и профессоров института. Участники порицали аграрную политику правительства и призывали содействовать революционному

⁵СПбФ АРАН. Ф. 347. Оп. 3. Д. 115. Л. 1.

⁶Работы Первой Государственной Думы. Издание Санкт-Петербургского комитета Трудовой группы / сост. И. Бонч-Осмоловский, ред. С.И. Бондарев. СПб.: Тип. Т-ва «Дело». 1906. С. 59.

⁷Выборгское воззвание – обращение группы депутатов 1-й Государственной думы (кадетов, трудовиков и социал-демократов), принятое в г. Выборге 10 июля 1906 года в ответ на роспуск Думы.

⁸Студенческое движение за 1905–1906 г.: Санкт-Петербургский политехнический институт // ГАРФ. Ф. 102. Оп 233а. Д. 3ч. 28.

⁹Там же. Л. 2.

¹⁰Там же. Л. 3–5.

переходу земли в руки народа¹¹. Перечень эпизодов можно продолжить.

Массив документов по истории политехнического института говорит о высокой степени сочувствия администрации вуза студенческим выступлениям. В работе В.А. Смелова [6, с. 426–444] показано, как отношение к студенческим выступлениям обострило противостояние прогрессивной интеллигенции (профессорско-преподавательского состава СПбПИ) и инертной системы государственного управления: администрация вуза полагала, что студенческие волнения – естественное следствие ненормальной внутренней обстановки в стране; представители органов правопорядка предпочитали видеть проблему в студентах¹². Итогом противостояния стало увольнение директора по приговору Сената в 1907 году и обвинение деканов в допущении беспорядков [8, с. 46–61].

Есть основания полагать, что забота о благополучии студентов для А.Г. Гагарина была важнее законных интересов государственных структур. Примечателен следующий эпизод. Весной 1907 года директор хлопотал о судьбе некоего студента Полетаева, который привлекаемого к суду по вопросу, «за который судить его не стоило», которому «придется посидеть и пропустить весенние экзамены, отложив их на осень». Так как Полетаев пользовался стипендией Астраханского казачьего войска, то директор просил администрацию вуза на возможный запрос войска ответить о благополучном переходе Полетаева на второй курс, чтобы выплата стипендии не прекращалась¹³. Можно понять, почему студенты восприняли увольнение

А.Г. Гагарина как горькую несправедливость [8, с. 59]. Тем не менее волнения не прекратились, а революционная борьба приобрела черты массовых беспорядков.

Преемник А.Г. Гагарина на посту директора А.С. Посников¹⁴ в 1910 году так отвечал на обвинения студентов в сотрудничестве с полицией: «Князь Гагарин, имеющий трехмиллионное состояние, мог бы игнорировать правительственную власть, а я не могу. <...> Студенты могут предавать меня сколько угодно раз анафеме, а я все-таки буду принимать самые решительные меры для прекращения забастовки»¹⁵. Действия полиции в отношении нарушителей порядка не мешали поддерживать атмосферу взаимного уважения, оптимально соответствовавшую политехнической модели образования [10, с. 38–54].

Если в первые годы работы института профессорско-преподавательский состав защищал правомерность студенческих волнений, то после 1907 года студентам-забастовщикам противостояли полиция, администрация вуза и добросовестные студенты-академики, объединившиеся в научные кружки. Так, например, в 1909 году на базе электромеханического отделения был учрежден Кружок электриков, который, согласно уставу, преследовал следующие цели: общение членов Кружка на научной почве, пополнение получаемого ими в институте специального образования, распространение знаний и сведений, относящихся к науке и технике, а также приискание для членов Кружка мест для летних практических занятий и заработков¹⁶. Стать членом кружка мог каждый сту-

¹¹Студенческое движение за 1905–1906 г.: Санкт-Петербургский политехнический институт // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233а. Д. 3ч. 28. Л. 18.

¹²Настроение «спасать студентов от полиции» было характерно на рубеже XIX – XX веков и для руководителей других вузов, например для директора Киевского политехнического института В.Л. Кирпичева, а также профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского электротехнического института – М.А. Шателена и В.В. Скобельцына. Все указанные ученые стали преподавателями СПбПИ.

¹³СПбФ АРАН, Ф. 869. Оп. 4. Д. 213. Л. 65–66 (Письмо А.Г. Гагарина М.А. Шателену. 7 мая 1907 г.).

¹⁴Директор СПбПИ в период с 1908 по 1911 год.

¹⁵Петербургский политехнический институт // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 119. Д. 256 (ч. 1). Л. 54.

¹⁶Цели и задачи Кружка электриков были похожи на цели и задачи крупных научных сообществ России, в частности – Русского технического общества (РТО). Кружок создавался при поддержке М.А. Шателена, декана электромеханического факультета, который много лет являлся действующим членом РТО, таким образом М.А. Шателен создавал условия для обучения студентов научной коммуникации государственного уровня.

дент СПбПИ, но общее собрание Кружка могло исключить тех, чье пребывание будет сочтено нежелательным [13]. Отметим, что в последующие годы Кружок разросся, многие студенты-участники («академисты») стали крупными учеными и продолжили поддерживать связь друг с другом.

Противостояние академистов и желающих бастовать отражают следующие эпизоды. 10 марта 1910 года директор, узнав о «бурном настроении» предстоящей сходки, запретил ее и вызвал полицейский наряд, но разрешил другую сходку, целью которой организаторы заявили обсуждение вопросов о «кассе взаимопомощи»¹⁷. В итоге собравшиеся (около 1000 студентов – 22 % учащихся) вместо кассы взаимопомощи обсуждали «репрессивное отношение директора Посникова к сходке» и осуждали «Академический союз»¹⁸. Студент СПбПИ С.С. Зарудный в вину академистам вменял то, что они «мешают студенческому движению», «не способствуют падению конституции», что союз «близко стоит к политическому сыску», является «зловредным обществом, позорящим студенчество»¹⁹. Речь другого выступавшего, студента-экономиста С.В. Бернштейн-Когана, завершалась осуждением директора Посникова: «не заслуживает со стороны студентов ничего кроме недоверия и враждебности», т. к. защищает «академистов», указывая на их заслуги, отмеченные Высочайшей благодарно-

стью, а к забастовщикам призывает полицию²⁰. О дальнейшей судьбе С.С. Зарудного не удалось найти сведений, а С.В. Бернштейн-Коган после окончания института остался в нем преподавать, с 1920 года – профессор института, прожил долгую плодотворную жизнь²¹.

Показателен и другой случай. В декабре 1910 года правлением института было закрыто Одесское студенческое землячество²²: комитет землячества в нарушение устава исключил 12 студентов из-за их принадлежности к академистам. Члены закрытого землячества обратились в правление с прошением разрешить вновь учредить землячество с новым уставом, запрещающим членство академистов. Прошение было отклонено²³.

4 декабря 1910 года сходка, на которой присутствовали 1200 чел., закончилась «насильственным прекращением практических занятий, осуществленная членами левых организаций в отношении студентов, не пожелавших примкнуть к забастовщикам»²⁴. Участники выражали несогласие с действиями правительства, студент А.А. Ковалевский призывал к пассивной забастовке, а желающих учиться «академистов» обвинял в «моральном ничтожестве». После сходки участники расходились по чертежным, нарушая учебный процесс хулиганскими выходками: у одного студента изорвали тетрадь, у другого – чертеж, испортили электрические провода²⁵.

¹⁷ГАРФ. Ф. 102. Оп. 119. Д. 256 (ч.1). Л. 3-4, 54.

¹⁸Объединение «Академический союз» было создано в СПбПИ в 1908 году в противовес студенческим забастовкам, мешавшим учебному процессу. Основная задача «академистов» – способствовать спокойному ходу академической жизни в институте, без преследования политических целей.

¹⁹ГАРФ. Ф. 102. Оп. 119. Д. 256 (ч.1). Л. 4.

²⁰Там же. Л. 5.

²¹Бернштейн-Коган Сергей Владимирович // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/bernshstein-kogan-sergei-vladimirovich-6fefa2> (дата обращения: 14.01.2026).

²²В вузах России были распространены объединения учащихся-земляков. Они создавались для материальной и моральной поддержки студентов в новой обстановке, но часто становились резервом политических движений. В 1911 году студенческие землячества были запрещены.

²³ГАРФ. Ф. 102. Оп. 119. Д. 256 (ч. 1). Л. 23, 23 об.

²⁴Там же. Л. 40.

²⁵Там же. Л. 40–41.

Кстати, в мае 1911 года уже бывший студент А.А. Ковалевский раскаивался в своем поведении и писал прошения о восстановлении в институте²⁶.

Преподаватели не раз вмешивались в ход таких забастовок, уговаривая студентов разойтись, и угрожали вызовом полиции. Результаты действий полиции в основном сводились к следующему: «задержаны, по установлению личности и составлению протокола отпущены»²⁷. Неудивительно, что подобные угрозы особого эффекта не имели.

В годы Первой мировой войны и преподаватели, и студенты института активно включились в работу для нужд армии [14], многие ушли на фронт. Война задавала темп и направление развития новых отраслей науки – химии, радиотехники, электротехники, самолетостроения и т. д.

Послевоенные голод и разруха негативно отразились на жизни страны, в плачевном состоянии оказался и институтский комплекс. Первые декреты советской власти о всеобщем образовании и отмене чинов и званий не позволили институту вернуться к прежнему порядку образовательного процесса. Доступ в вузы получили абитуриенты с различным уровнем подготовки, в то же время многие преподаватели покинули вузы или выбрали эмиграцию, что в целом привело к резкому снижению качества образования в первые годы советской власти²⁸. Вузы стали кузницей пролетарских кадров, выпускники училищ и гимназий «разбавлялись» молодежью из рабоче-крестьянской среды, курс на пролетаризацию («завоевание») высшей школы предполагал вытеснение «буржуазных» профессоров.

Обновленное студенчество было разнообразно по уровню подготовки и социальному составу. Но и границы этих групп были очень условны. Одного хвалили за партийную преданность, «хоть он из семьи священника, он один из лучших наших коммунистов, боролся с нами против белого студенчества»²⁹. Другой студент вел себя «не как пролетарий (бедняцкий элемент)», поэтому из института в его родное село в декабре 1929 года был отправлен запрос о службе, семье и имуществе³⁰.

Если в 1902 году директор института А.Г. Ггарин писал: «Когда профессора не привлечены к воспитанию молодежи, <...> тогда студенты, не имея опоры, легко подвергаются внешним дурным влияниям тайных кружков» [6, с. 114], то после революции профессора были избавлены от заботы о воспитании студентов [3, с. 206]. Роль воспитания молодежи взяла на себя коммунистическая партия, активно привлекавшая в свои ряды студентов и преподавателей, подходящих по происхождению и готовых пропагандировать новую идеологию. С 1923 года в вузах страны начали действовать студенческие организации пролетарского студенчества (Пролетстуда), которые должны были стать опорой советской власти в деле реформирования высшей школы [2, с. 124–135]. Представитель Пролетстуда электромеханического факультета на партийном собрании в институте заявлял: «Профессора и преподаватели будут работать, но над ними надо установить бдительное наблюдение»³¹. С другой стороны, чертами студенчества 1920-х годов были отсутствие признаков воспитания и образования,

²⁶ГАРФ. Ф. 102. Оп. 119. Д. 256 (ч. 1). Л. 121; Ф. 102. Оп. 119. Д. 256 (ч. 2). Л. 123–126.

²⁷Там же. Оп. 233а. Д. 3ч. 28. Л. 28, 72.

²⁸Декрет ВЦИК и СНК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов». 11 ноября 1917 г. // Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1; Декрет о правилах приема в высшее учебное заведение РСФСР // Декреты Советской власти. Т. III. 11 июля – 9 ноября 1918 г. М.: Политиздат, 1964.

²⁹ЦГАИПД СПб. Ф. Р-40. Оп. 1. Д. 53. Л. 8 об. Протоколы общих собраний и заседаний бюро партгруппы электромеханического факультета, 1925 г.

³⁰ЦГА СПб. Ф. Р-3121. Оп. 25. Д. 10. Л. 46.

³¹ЦГАИПД СПб. Ф. Р-40. Оп. 1. Д. 53. Л. 2–3 об.

простая одежда, использование нецензурной брани [11, с. 148–160]. «Нет хороших знаний по специальным предметам (физика, математика), но особенно чувствуется отсутствие общего образования и умения излагать свои мысли. В связи с этим возникает сомнение в возможности выпуска большого числа инженеров и экономистов с широким кругозором» – так оценивал ситуацию А.А. Байков, последний ректор из дореволюционных профессоров³². Для скорейшего внедрения новых учебных планов и «улучшения» качества выпускников в ноябре 1928 года его сменил партийный деятель П.А. Кобозев. Начался новый этап внутривузовских взаимоотношений, для которых характерен следующий эпизод.

На заседании межфакультетской предметной комиссии ЛПИ по физике в декабре 1928 года обсуждались пути реализации учебных планов. В числе прочих вопросов профессор В.В. Скобельцын, председатель комиссии, предложил преподавателям поделиться впечатлениями о ходе занятий, чтобы лучше спланировать время в физической лаборатории. Выяснилось, что первый курс неоднороден по своей подготовке, значителен контингент лиц, не готовых к прохождению курса: не усвоивших курс средней школы, неспособных «самостоятельно справляться при разрешении самых простых практических вопросов и требующих помощи руководителя во всяких пустяках», «многие студенты I курса обладают совершенно недостаточным умственным развитием»³³. На собрании в декабре 1928 года присутствовали 6 преподавателей и 8 студентов – по два от каждого факультета³⁴. По итогам декабрьско-

го заседания в марте 1929 года в институтской газете «Товарищ» появилась статья некоего У. Надича «О высоких умах и слабоумных студентах» с обвинениями в предвзятости к пролетарским студентам, приверженности несоветским ценностям в адрес В.В. Скобельцына. Речь профессора в пересказе автора звучала так: «Ведь не является новостью то, что современное студенчество не отвечает требованиям высшей школы. <...> Как может явиться творцом новой жизни тот, у кого вместо умственного багажа – мозолистые руки, а единственное качество то, что мамаша батрачка, а папаша – рабочий и крестьянин сразу». Мнение комиссии было представлено следующим образом: «Студенчество этого приема слишком разнородно и умственно слабо развито». Профессор обвинялся в некомпетентности: «Физику преподает одну и ту же уже двадцать лет». Завершалась статья призывом к правлению института обратить внимание на кандидатуру В.В. Скобельцына при предстоящем пересмотре профессорского состава³⁵. Статья, написанная по впечатлениям якобы студента, являвшегося участником заседания, но без указания имени, явно имела признаки доноса.

За несколько дней до выхода газеты ректор П.А. Кобозев на собрании деканов сообщал о предстоящем переизбрании профессоров и преподавателей, «устаревших для современной науки» [5, с. 378]. Очевидно, что В.В. Скобельцыну нельзя было просто отмахнуться от характеристики, полученной от «группы студентов»: «совершенно нам чуждый махровый»³⁶.

Прозвучавшие в апреле 1929 года слова И.В. Сталина: «Вредительство буржуазной

³²Тр. ЛПИ. 1957. № 190.

³³СПбФ АРАН. Ф. 972. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–2.

³⁴Согласно реформе высшей школы 1922 года, студенты наравне с преподавателями вошли в состав президиумов деканатов и советов факультетов. Источник: Декрет Совета Народных Комиссаров. Положение о Высших Учебных Заведениях. 3 июля 1922 года // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1922 год. Отдел первый. М., 1950. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/351315> (дата обращения: 30.12.2025).

³⁵Надич У. О высоких умах и слабоумных студентах // Товарищ. 1929. 29 марта. № 13(86). С. 2.

³⁶ЦГА СПб. Ф. Р-3121. Оп. 25. Д. 10. Л. 106.

интеллигенции есть одна из самых опасных форм сопротивления против развивающегося социализма»³⁷, послужили сигналом к травле «буржуазных» профессоров. В докладной записке Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) о политическом состоянии интеллигенции отмечалось: «Саботаж новых программ и методов наблюдается в целом ряде <...> учебных заведений»³⁸, «антисоветская профессура ведет с нами открытую борьбу на идеологическом фронте, ставя своей задачей воспитание и идеологическую обработку учащейся молодежи в антисоветском направлении»³⁹. Недоверие власти к техническим специалистам и интеллигенции сопровождалось выявлением «вредителей» и арестами⁴⁰.

Эти настроения были подхвачены студентами-политехниками – участниками съезда Пролетстуда: «С боем перестраиваются планы и программы вузов». Дореволюционные профессора подлежали «выпалыванию» как «сорная трава»: «Вузы наши еще засорены чуждыми и даже враждебными элементами и в преподавательском составе», например, такими: «Профессора и преподаватели, не следящие за современным состоянием науки и техники, как, например, преподающие по своим устаревшим учебникам, изданным 20 лет назад (указание на В.В. Скобельцына – Л.Б.), манкировщики и прочие “халтурщики”»⁴¹.

Правление института, обсудив статью «О высоких умах...», постановило, что дискуссия на заседании предметной комиссии в газете полу-

чила превратное освещение, что курс физики читается профессором Скобельцыным «с большой научной строгостью», о педагогическом мастерстве говорят заполненные аудитории. Курс отвечает утвержденной в 1925 году программе, пересмотренной в 1928 году и признанной соответствующей текущим целям. Также отмечалось, что «педагогический талант В.В. Скобельцына совершенно исключительный; его слушатели получают знания основных явлений природы и умение подходить к разрешению инженерных вопросов с физической точки зрения; слушателям I курса лекции В.В. Скобельцына дают максимум того, что может быть ими усвоено»⁴². Пожилой профессор письменно доказывал, что никогда не противопоставлял советское студенчество дореволюционному, всегда с вниманием и сочувствием относился к студентам, видел их проблемы и помогал осваивать физику. В то же время В.В. Скобельцын не скрывал своей озабоченности качеством подготовки политехников: «пользуются формулами < из школьного курса > физики, совершенно не отдавая себе отчета в физическом смысле этих формул»; «встретив величину, выраженную в виде синусоидальной функции времени, студент не мог понять, <...> где же тот угол, синус которого написан» и т. д.⁴³

История со «слабоумными студентами» для В.В. Скобельцына, к счастью, не имела продолжения. В 1935 году он получил премию в размере 400 р. за «исключительно добросовестную

³⁷Сталин И.В. О правовом уклоне в ВКП(б): речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. // Сталин И.В. Собр. соч.: [в 13 т.]. Т. 12. М., 1949. С. 14.

³⁸Материалы 3-го отделения СО ОГПУ о политическом состоянии интеллигенции и ее антисоветской деятельности. Не позднее конца мая 1930. // «Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): сб. док. в 10 т. Т. 8, Ч. 2. 1930. М., 2008. С. 1138.

³⁹Там же. С. 1142. (В качестве подтверждения были приведены отдельные высказывания профессоров разных университетов, ЛПИ не упоминался.)

⁴⁰Шахтинское дело (1928), Академическое дело (1929–1930) и др.

⁴¹Перевыборы профессуры состоятся весной // Товарищ. 1929. 29 марта. № 13(86). С. 1.

⁴²СПбФ АРАН. Ф. 972. Оп. 1. Д. 30. Л. 5.

⁴³Там же. Л. 6–9.

работу по организации лаборатории общей физики». В 1938 году ему было присвоено звание «Ударник коммунистического труда»⁴⁴.

В целом же профессора, в т. ч. и «буржуазные», пользовались уважением студенческого сообщества. Например, в ноябре 1929 году профессора В.Л. Поздюнина⁴⁵ группа студентов охарактеризовала так: «Советски настроен. Работает вместе с нами. Свои действия всегда согласовывает со студенчеством. Работоспособный, авторитетный профессор в области судостроения»⁴⁶. Представители Пролетстуда похвалили профессоров А.Ф. Иоффе, А.А. Радцига, Г.А. Люста, В.Ф. Миткевича, Н.Н. Семенова за поддержку студенческих инициатив по пересмотру учебных планов: «Лучшая часть профессуры и преподавателей <...> пошла рука об руку с нами по намеченному пути, под шипение нежелающих расстаться с мумией прошлого»⁴⁷.

В 1930 году ЛПИ был расформирован на несколько профильных институтов⁴⁸. Череда разрушительных экспериментов конца 1920-х – начала 1930-х годов завершилась возвращением к дореволюционной традиции поддержания статуса и престижа профессуры [9, с. 7–15]. В целом в 1920-е годы число студентов росло, «завоевание» высшей школы шло успешно. Острота борьбы с влиянием «буржуазной» профессуры угасала в связи с естественной сменой поколений.

В рассматриваемый период конфликты между профессорско-преподавательским и студенческим сообществами по социально-политическим основаниям были обычным явлением. При этом в разных исторических условиях характер конфликтов менялся. Важно отме-

тить, что число «конфликтных» студентов не было подавляющим, но достаточно заметным, чтобы влиять на обстановку в целом.

В начале XX века студенты, протестовавшие против существующего порядка в России, вольно или невольно нарушали учебный процесс, используя институт как пространство своей политической активности. Оппозиционная деятельность преподавателей не затрагивала учебный процесс напрямую, из-за чего студенты воспринимали их как часть режима. Претензии бастующих студентов к профессорско-преподавательскому составу можно сформулировать так: «Вы недостаточно решительно противостоите действиям властей». Революция изменила прежнюю иерархию. Авторитет профессорско-преподавательского состава был понижен, студенты, в основном пролетарского происхождения, будучи членами партии, стали проводниками новой государственной политики в вузе. Государство обеспечивало себе иммунитет от явных претензий, переключив внимание студентов на борьбу с назначенными врагами. И в этой ситуации суть претензий «уполномоченных» бороться с профессурой студентов можно выразить так: «Вы недостаточно решительно поддерживаете инициативы существующей власти». Профессора и преподаватели свое отношение к происходящему в отношении со студентами старались не привносить. Несмотря на смену коммуникативных норм и ценностных ориентиров, институт оставался ведущим вузом страны, став движущей силой научно-технического прогресса Союза Советских Социалистических Республик. Реализация научно-образовательного потенциала института была

⁴⁴СПбФ АРАН. Ф. 972. Оп. 1. Д. 30. Л. 12–14.

⁴⁵Декан кораблестроительного факультета ЛПИ в 1923–1929 годах.

⁴⁶ЦГА СПб. Ф. Р-3121. Оп. 25. Д. 10. Л. 15.

⁴⁷Первый этап пройден // Товарищ. 1929. 5 апр. №14(87). С. 1.

⁴⁸Постановление ЦИК и Совнаркома СССР № 38 «О реорганизации высших учебных заведений, техникумов и рабочих факультетов» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1930. С. 693–695. URL: <https://istmat.org/node/49953> (дата обращения: 13.10.2025).

необходима для сохранения перспективы индустриального развития страны [12, с. 58–76]. Залогом профессионального успеха стало «непротивление» новой идеологии и готовность работать в условиях неоднозначных реформ высшей школы.

Список литературы

1. Оводенко А.А., Платова Е.Э., Фортунатов В.В. История высшей школы Санкт-Петербурга. СПб., 2010. 547 с.
2. Строголова А.С. Становление и начальный этап деятельности Пролетстуда (1923–1925) // Ист. журн.: науч. исследования. 2017. № 5. С. 124–136. <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2017.5.22520>
3. Рожков А.Ю. В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М., 2014. 630 с.
4. Санкт-Петербургский политехнический институт в 1899–1902 гг.: сб. док. / под общ. ред. Ю.С. Васильева. СПб., 2012. 92 с.
5. Менишуткин Б.Н. История Санкт-Петербургского политехнического института (1899–1930). СПб., 2012. 507 с.
6. Смелов В.А. Санкт-Петербургский политехнический дореволюционный. СПб., 2014. 618 с.
7. С.-Петербургский Политехнический институт императора Петра Великого: юбилейный сб. 1902–1952 / под ред. А.А. Стаховича, Е.А. Вечорина. Париж, 1952. 129 с.
8. С.-Петербургский Политехнический институт. Сб. № 2: [доп. к «Юбилейному сборнику» 1952 г.]. Париж; Нью-Йорк, 1958, 215 с.
9. Сидорчук И.В. Борьба за «новую» мораль в Ленинградском политехническом институте в 1920-х годах // Науч.-техн. вед. СПбГПУ. Гуманит. и обществ. науки. 2018. Т. 9, № 3. С. 7–15. <https://doi.org/10.18721/JHSS.9301>
10. Ульянова С.Б. Истоки формирования политехнического стиля образования // Тр. СПбГТУ. 2011. № 513. С. 23–34.
11. Ульянова С.Б. К вопросу о взаимоотношениях студентов и профессоров в ленинградском политехническом институте в 1920-е гг. // Санкт-Петербургский государственный политехнический университет в истории России XX – начала XXI в. СПб., 2013. С. 148–160.
12. Ульянова С.Б., Аладышкин И.В., Беседина Е.А. Индустриальный прагматизм в реформировании высшей школы в России в конце XIX – первой трети XX в.: исторический опыт Петербургского – Ленинградского политехнического института // Социология науки и технологий. 2023. Т. 14, № 3. С. 58–76. <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2023-3-58-76>
13. Беляева Л.Э. У истоков студенческой науки: кружок электриков электромеханического факультета Санкт-Петербургского (Ленинградского) политехнического (индустриального) института (1909–1952) // Современ. наука: актуал. проблемы теории и практики. Сер.: Гуманит. науки. 2025. № 9. С. 7–13. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2025.09.06>
14. Беляева Л.Э. Петроградский политехнический институт в условиях военного времени (на архивных материалах 1914–1916 гг.) // Гуманитарный форум в Политехническом: материалы IV Всерос. молодеж. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 10–12 апреля 2025 г.): в 4 т. Т. 4. СПб., 2025. С. 22–30.

References

1. Ovodenko A.A. *Istoriya vyshey shkoly Sankt-Peterburga* [The History of St. Petersburg Higher School]. St. Petersburg, 2010. 548 p.
2. Strogalova A.S. Stanovlenie i nachal'nyy etap deyatel'nosti Proletstuda (1923–1925) [Formation and Initial Stage of the Proletstud's Activity (1923–1925)]. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya*, 2017, no. 5, pp. 124–136. <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2017.5.22520>
3. Rozhkov A.Yu. *V krugu sverstnikov: zhiznenny mir molodogo cheloveka v Sovetskoj Rossii 1920-kh godov* [In the Circle of Peers: The Life World of a Young Man in Soviet Russia of the 1920s]. Moscow, 2014. 630 p.

4. Bocharov A.A. et al. (comps). *Sankt-Peterburgskiy politekhnicheskii institut v 1899–1902 gg.* [Saint Petersburg Polytechnic Institute in 1899–1902]. St. Petersburg, 2012. 92 p.
5. Menshutkin B.N. *Istoriya Sankt-Peterburgskogo politekhnicheskogo instituta (1899–1930)* [The History of St. Petersburg Polytechnic Institute (1899–1930)]. St. Petersburg, 2012. 507 p.
6. Smelov V.A. *Sankt-Peterburgskiy politekhnicheskii dorevolyutsionnyy* [St. Petersburg Polytechnic Pre-Revolutionary]. St. Petersburg, 2014. 618 p.
7. Stakhovich A.A., Vechorin E.A. (comps). *Sankt-Peterburgskiy Politekhnicheskii Institut Imperatora Petra Velikogo. 1902–1952* [Saint Petersburg Polytechnic Institute of Emperor Peter the Great. 1902–1952]. Paris, 1952. 129 p.
8. *Sankt-Peterburgskiy Politekhnicheskii Institut* [Saint Petersburg Polytechnic Institute]. Paris, N. Y., 1958. 215 p.
9. Sidorchuk I.V. Bor'ba za «novuyu» moral' v Leningradskom politekhnicheskome institute v 1920-kh godakh [Struggle for a “new” morality at Leningrad Polytechnic Institute in the 1920s]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2018, vol. 9, no. 3, pp. 7–15. <https://doi.org/10.18721/JHSS.9301>
10. Ul'yanova S.B. The Beginning of Polytechnic Education Style. *Trudy SPbGTU*, 2011, no. 513, pp.23–34.
11. Ulyanova S.B. K voprosu o vzaimootnosheniyakh studentov i professorov v Leningradskom politekhnicheskome institute v 1920-e gg. [On the Relationship Between Students and Professors at Leningrad Polytechnic Institute in the 1920s.]. *Proceedings of the International Scientific and Technical Conference dedicated to the 110th anniversary of the beginning of the study process at St Petersburg Polytechnic University Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy politekhnicheskii universitet v istorii Rossii XX – nachala XXI v.* St. Petersburg, 2013, pp. 148–160.
12. Ul'yanova S.B., Aladyshkin I.V., Besedina E.A. Industrial'nyy pragmatizm v reformirovanii vysshey shkoly v Rossii v kontse XIX – pervoy treti XX v.: istoricheskiy opyt Peterburgskogo – Leningradskogo politekhnicheskogo instituta [Industrial Pragmatism in the Reform of Higher Education in Russia in the Late 19th – First Third of the 20th Century: The Historical Experience of the Petrograd–Leningrad Polytechnic Institute]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 2023, no. 14, pp. 58–76. <https://doi.org/10.24412/2079-0910-2023-3-58-76>
13. Beliaeva L.E. U istokov studencheskoy nauki: kruzhok elektrikov elektromekhanicheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo (Leningradskogo) politekhnicheskogo (industrial'nogo) instituta (1909–1952) [At the Origins of Student Science: Circle of Electricians of the Electromechanical Faculty of St.-Petersburg (Leningrad) polytechnic (industrial) Institute (1909–1936)]. *Sovremennaya nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Seriya: gumanitarnye nauki*, 2025, no. 9, pp. 7–13.
14. Beliaeva L.E. Petrogradskiy politekhnicheskii institut v usloviyakh voennogo vremeni (na arkhivnykh materialakh 1914–1916 gg.) [Petrograd Polytechnic Institute in Wartime Conditions (Based on Archival Materials, 1914–1916)]. *Proceedings of the IV All-Russian Youth Scientific and Practical Conference Gumanitarnyy forum v Politekhnicheskome.* St. Petersburg, 2025. Vol. 4, pp. 22–30.

Информация об авторе

Л.Э. Беляева – аспирант Высшей школы общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (адрес: 195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29Б).

Information about the author

Lidiya E. Belyaeva, Postgraduate student at the Higher School of Social Sciences, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (address: ul. Polytechnicheskaya 29B, Saint-Petersburg, 195251, Russia).

Поступила в редакцию 18.03.2026
Одобрена после рецензирования 28.04.2026
Принята к публикации 30.04.2026

Submitted 18 March 2026
Approved after reviewing 28 April 2026
Accepted for publication 30 April 2026